* * *

Старый дурак замурован в мрак,
Век доживаю вне склок и драк,
Вне людских разборок, судов, интриг,
Женских ласк и любимых книг.
Слепота — тягчайшая из вериг.
Под горячую руку Бога попал старик.
Впрочем, ты условно покамест жив.
И имеешь шанс угодить под джип
Иль еще под какой-нибудь автохлам,
И орет на слепца автохам.
Но воздастся каждому по грехам.
Святый Господи, гой еси!
Слышь, клюки слепцов будят сон Руси?
И моя стучит в земляной испод.
Достучусь ли я до Тебя, Господь?

* * *

Многогрешный раб, не кляни судьбу,
Уготованную Творцом:
Смутный век, разборки, жмура в гробу,
Нашпигованного свинцом.

И меня подали, как дичь, к столу
Под тесак раздельщика туш,
И, глуша окрестных ворон хулу,
Оркестранты слабали туш;

Вивисектор вытрет намокший лоб,
Оглядев мой разъятый труп,
Упакует фрагменты в дешевый гроб
И плевком завершит свой труд.

Мясника топор и вороний вздор…
Миром правит обман и лесть.
И печален птиц погребальный хор,
Ибо там не лучше, чем здесь.

* * *

Никто. И звать его никак.
В саду возникший ниоткуда.
Пустяк, нелепица, сквозняк,
Листвы метущаяся груда,

Подобная моей судьбе,
Истерзанной безумным веком.
И пятна птиц на городьбе,
Как души мучеников-зеков.

Наш грех велик. Не зря Господь
Нам попустил невзгод с избытком,
И эта немощная плоть
Обречена житейским пыткам.

Я плыл на ложные огни.
Мне надоело жить неровней.
Спаси мя, Бог, и сохрани
От вражьей пагубы греховной.

* * *

Когда бы я не лез на рожон,
лишь перышком вооружен,
Меня не бесил бы любой пижон
и я не менял бы жен.

А век бы прожил с одной каргой
и не сбежал к другой.
Везунчик будь я, или изгой,
экспат с казенной ногой.

Вся жизнь была бы, что твой щербет.
И до преклонных лет,
Как раб, не гнул бы я свой хребет
за горсть ничтожных монет.

Я рыл окопы, носил кирзу
в промозглой глуши Карпат;
И чьи-то кости белели внизу,
как знак: «Берегись, солдат!»

Но я берегся не очень чтоб,
впотьмах не включал огня.
И некто черный мне целил в лоб,
но он убил не меня.

Во мне меня убивали не раз;
с Карпат я махнул на Кавказ
под треск пулеметных трасс,
И я остался без глаз.

Те, кто, гнобя меня, не убил:
Москва, Волгоград, Сибирь
Взирали желчно, как я, дебил,
Лишался последних сил.

В Чите меня повязали менты,
а в Кемерове — кранты:
Я еле ноги унес в Москву,
и, хоть слепой, но живу.

И днем и ночью бурлит Москва:
на дело спешит братва,
Уткнувшись в гаджеты прет плотва…
Все это мне — трын-трава.

Когда случился XX съезд,
на волю вышли зека,
Меня потряс тяжелейший стресс
от этого сквозняка.

Совдеп почил, но осталась боль
за всех, кого век убил,
И я, осколок его слепой,
живу из последних сил.

* * *

Пришел «пройдемте, гражданин!»
И был составлен произвол.
Но мы свое не отдадим —
Пускай постится серый волк.

С утра заоблачный профком
Бездомных оделил пайком:
Гуманитарною крупой
И с неба льющейся шурпой.

С Москвой случился Магадан,
На плечи сыпал мокрый рис.
За мною кралась по следам
Судьба, как раненая рысь.

А город свалками смердит
И смогом транспортных колец
От мрачной станции Кирдык
До тихой пристани Пипец.

И я, слепец, блуждаю меж
Двух этих пунктов роковых —
без хлеба, крова, без надежд,
Как в страшных тех сороковых.

* * *

Я напрочь обделен талантом
Приспособления к жизни сучьей.
Из всех возможных вариантов
Я выбираю наихудший.

Из череды людских рождений
Мне выпал год 37-й,
Арест отца, Сибирь, забвенье,
Дрейф меж сумой и Колымой.

Колючей проволоки вязью
Спеленут стылый небосвод,
Желтушный месяц в поздней фазе
Над спящей зоною плывет.

Спят зеки, псы и вертухаи,
На вышке дремлет часовой.
Кедра в мохнатом малахае
Качает снежной головой.

Ей лет, наверное, пол-тыщи.
А у людей короткий век.
Жмуром пополнилось кладбище.
Не я ли этот мерзлый зек?

* * *

Вопросительная жизнь —
Выживанье под вопросом.
Треть страны ушла в бомжи,
Ковыряется в отбросах.

Мрачен, голоден, судим,
Без работы, без призванья,
В наши дни простолюдин
Обречен на прозябанье.

Сдуру, с голоду, спьяна
Путь клянет свой тупиковый.
Пощади бомжа, страна,
В этой будущности новой.

* * *

Я — Юра, рос, считай, без мамы,
Под наблюденьем стукачей.
Я — юрод, строю Храм из хлама,
За неименьем кирпичей.

Сосредоточенный на Боге,
Не замечаю свар земных,
Осмеян и гоним в итоге,
Умалишенный нищий мних.

Мои бессвязные молитвы
И немудрящие стихи
Стучатся в Горние калитки.
Но Небеса ко мне глухи.

Меня шпыняют добры люди,
Нависли гневно небеса,
И обстоятельные судьи
Грозятся выслать в три часа.

Пусть высылают, я не против:
Мне все равно, где быть чужим.
Во мне осталось мало плоти,
Но дух мой с Ним нерасторжим.